

УДК: 811.111'42

СПЕЦИФИКА ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ*Н.Н. Чуприна, канд. филол. наук (Харьков)*

В статье выявлены основные разграничения между глобальными текстовыми категориями, такими как пантекстуальность, текстуальность, контекстуальность, интертекстуальность в рамках лингвистики текста и определено место интертекстуальности в ней. Интертекстуальность и текстуальность являются основополагающими категориями, которые нередко отождествляются. В работе данные понятия разграничиваются. Контекстуальность представляет собой процесс взаимодействия текстов с учетом вертикального контекста.

Ключевые слова: пантекстуальность, текстуальность, контекстуальность, интертекстуальность, лингвистика текста.

Н.М. Чуприна. Специфіка основоположних текстових категорій. У статті виявлені основні розходження між глобальними текстовими категоріями, такими як пантекстуальність, текстуальність, контекстуальність, інтертекстуальність у рамках лінгвістики тексту й визначено місце інтертекстуальності в ній. Інтертекстуальність та текстуальність являються основними категоріями, які нерідко ототожнюються. У роботі ці поняття розмежовуються. Контекстуальність являє собою процес взаємодії текстів з урахуванням вертикального контексту.

Ключові слова: пантекстуальність, текстуальність, контекстуальність, інтертекстуальність, лінгвістика тексту.

N.N. Chuprina. The special features of fundamental text categories. The article specifies the basic differences between the global text categories such as pantextuality, textuality, contextuality, intertextuality to determine the place of intertextuality in text linguistics. Intertextuality and textuality are the fundamental categories which are often identified. They are differentiated in this paper. Contextuality represents the process of interaction of texts considering the vertical context.

Key points: pantextuality, textuality, contextuality, intertextuality, text linguistics.

Одной из актуальных проблем лингвистики до сих пор остается проблема выделения и описания категорий текста. Категории текста универсальны по своей природе и обнаруживаются в любом тексте независимо от языка, на котором создан текст, и от типа текста [8, с. 81]. В лингвистике текста ведущими категориями являются категории текста, пантекстуальности, текстуальности, контекстуальности и интертекстуальности.

Актуальность данной работы состоит в том, что как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике не существует четкого теоретического разграничения данных категорий, в результате чего они нередко отождествляются.

Цель данного исследования состоит в выявлении различий между глобальными текстовыми категориями, такими как пантекстуальность, тек-

стуальность, контекстуальность, интертекстуальность в рамках лингвистики текста.

Объектом исследования являются глобальные текстовые категории, такие как пантекстуальность, текстуальность, контекстуальность, интертекстуальность в рамках лингвистики текста.

Предметом изучения выступают специфические черты глобальных текстовых категорий, таких как пантекстуальность, текстуальность, контекстуальность, интертекстуальность.

Новизна предпринимаемого исследования состоит в том, что в нем выявляются различия между глобальными текстовыми категориями, такими как пантекстуальность, текстуальность, контекстуальность, интертекстуальность в рамках лингвистики текста и определяется место категории интертекстуальности в ней.

По мнению С.А. Борисовой, текст имеет протяженность в пространстве, состоит из отдельных отрезков (участков пространства) – смысловых блоков, которые следуют друг за другом в определённом автором текста порядке; текст существует во времени и трехмерен: имеет размер, объем и глубину [1, с. 17–23].

Текстовое пространство является обязательным фактором построения текста, так как невозможно создать текст вне пространства. Пространственным ориентиром, относительно которого воспринимается местоположение того или иного объекта, является наблюдатель/реципиент, поэтому наблюдение (и последующее описание увиденного) предполагает взгляд со стороны на предмет описания. Находясь в каком-либо пространстве, человек как бы сканирует местность, с целью определения своего местоположения по окружающим его вещам.

В этом случае ориентация в пространстве окружающего мира подобна чтению вербального текста, с тем различием, что в пространство восприятия индивида входят сами вещи, конституирующие определённый участок пространства, а не их вербальные репрезентанты, конституирующие текстовое пространство.

Если объем получаемой информации недостаточен для принятия решения о смысле вещных знаков, человек использует различные источники дополнительной информации, выдвигая при этом предположения о возможных мирах и типах их пространств.

Таким образом, смысловое восприятие и понимание текста пространства, так же, как и текста в вербальной форме, детерминировано уровнем владения знаковым кодом, с помощью которого, образно говоря, “зашифровано” некоторое заключенное в самом пространстве послание [там же, с. 23–28].

В.Н. Топоров рассматривает пространство текста как “результат совершенно реальной трансформации внешнего пространства при введении его в текст как целое, распространения пространственного на все сферы и аспекты текста, его тотальной специализации. Такое текстовое пространство

образует особое силовое поле, внутри которого все (включая время) говорит на языке “внутреннего” пространства” [7, с. 281].

Пространство пронизывается, пропитывается свойствами времени, происходит *темпорализация пространства* [там же, с. 231].

Все, что реально случается или вероятно может произойти, определяется хронотопом, предполагающим единство пространства и времени в рамках отношений “здесь – теперь” [там же, с. 233].

Характеризуя отношения пространства и текста, В.Н. Топоров отмечает феномен пантекстуальности: “сам текст *пространственен* (т.е., он сам обладает признаком пространственности, размещается в реальном пространстве, и *пространство есть текст* (т.е. пространство как таковое может быть принято как сообщение). Так, можно говорить о пространстве как о потенциальном тексте, его вместилище (таком, что оно взаимосвязано со своим наполнением). Вместе с тем, реализованное (актуализированное через вещи) пространство должно в этой концепции пониматься как сам текст...” [там же, с. 280].

По мнению А.А. Брудного, пространство реального мира выстроено с помощью сложных текстов, а человек является связующим звеном между пространством реальной жизни и пространством текста, в котором отображается пространство реальной жизни. Результатом восприятия пространства реального, является пространство мыслимое, или ментальное пространство личности, объективацией которого в знаковой форме является текст [2, с. 117].

С помощью ментального пространства происходит перекодировка или расшифровка текста пространства одного типа и кодирование его с помощью знаков другого типа, превращение в пространство вербальное [там же].

Текст как воспроизводимая последовательность значимых элементов и выступает общей структурной единицей этих двух пространств. Пространство реального мира рассматривается как сложный комплекс взаимовлияющих и взаимоопределяющих предметов, процессов, явлений.

Пространство не только сопоставимо с текстом по отдельным своим характеристикам: текст является материальным носителем содержания пространства, которое именно в тексте получает свое вербальное воплощение. Пространство окружающего мира предстает перед человеком как мегатекст, состоящий из множества отдельных текстов, репрезентирующих некоторые фрагменты [1, с. 24–28].

В художественном тексте реальный мир также отображается во всей сложности специально-темпоральных отношений, что позволяет определить его как “концентрированную действительность, ориентированную на то, чтобы ее понимали” [там же].

С пространственностью связана категория текстуальности, которая реально выступает универсальной характеристикой объектов, а также самого бытия. Бытие есть текст, а текст выступает как вербализованная форма бытия. Текстуальность реально может выступать как атрибут пространства, позволяющий индивиду “прочитать” его, понять и, в некоторой степени, определить своё место в нём.

Предположения о всеобщей текстуальности мира высказывал В.В. Налимов в рамках разработанной им вероятно ориентированной теории сознания, в контексте которой “весь воспринимаемый нами эволюционирующий мир можно рассматривать как множество *текстов*. Сам человек, его эго – это текст” [5, с. 122–132].

Согласно теории В.В. Налимова, смыслы мира “спрессованы” и представляют собой нераспакованный (непроявленный) мир. Тексты появляются в результате “распаковывания” человеком смыслов. Однако эти смыслы всегда оказываются заданными избирательно, так как человек не может знать все [там же, с. 123].

Текст интертекстуален. При всем разнообразии концепций интертекстуальности этот термин обладает достаточно прозрачной внутренней формой, способствующей пониманию самого слова. Ср. лат. *inter* (приставка) – “между”, лат. *intertextum* (форма супина) – “вплетенное внутрь” [15, с. 122].

В настоящее время существует множество трактовок этого понятия. Например, лингвистический энциклопедический словарь определяет этот термин, как включение “одного текста в другой, что может связывать тексты разных эпох, разноязычные и относящиеся к разным эпохам. В каждом тексте возможны наложения других (“текст в тексте”), ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл” [16, с. 329–330].

Так, через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает новые комбинации. Для Р. Барта любой текст – это своеобразная “эхокамера” [9, с. 88], для М. Риффатера – “ансамбль пресуппозиций других текстов” [13, с. 56–59]. Р.-А. де Богранд и В.У. Дресслер в своей работе “Введение в лингвистику текста” определяют интертекстуальность как “зависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участником коммуникации других текстов” [10, с. 188]. Они выводят из понятия текстуальности “необходимость изучения влияния интертекстуальности как средства контроля коммуникативной деятельности в целом” [там же, с. 215].

Таким образом, понятия текстуальности и интертекстуальности рассматриваются ими как взаимообуславливающие друг друга феномены.

Ю. Кристева осмысливает интертекстуальность как общее свойство текстов, и, таким образом, понимает под интертекстуальностью текстуальность. Она рассматривает текст как “общество” или “историко-культурную парадигму” [12, с. 224]. При этом она вводит новое понимание текста: текст трактуется как “интертекст”, как всеобщее состояние социокультурного знания, на которое ссылается, указывает любой текст, из которого он возникает, и в котором он затем растворяется [там же, с. 226].

Л. Дэлленбах, П. ван ден Хевель трактуют интертекстуальность более сужено и конкретно, понимая ее как взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов: дискурс повествователя о дискурсе персонажей, одного персонажа

о другом и т. п., их интересует та же проблема, что и М.М. Бахтина – взаимодействие “своего” и “чужого” текстов [11; 14].

Проанализировав определения категорий пантекстуальности, текстуальности, интертекстуальности, мы пришли к выводу, что многие из них являются слишком размытыми и неоднозначными. Так, Р.-А. де Богранд и В.У. Дресслер, Ю. Крестева определяют интертекстуальность как синоним понятия текстуальности. Такой взгляд на категорию интертекстуальности представляется искусственно ограниченным: феномен интертекстуальности вмещает в себя не только факт заимствования элементов существующих текстов, но и наличие общего единого текстового пространства.

Только в таком случае становится понятным, почему аллюзии, цитаты, реминисценции могут быть как вольными, так и невольными заимствованиями (именно невольным заимствованием, “бессознательным действием творческой памяти” называл реминисценции В.М. Жирмунский) [3, с. 339].

Текстуальность и интертекстуальность являются основополагающими категориями, присущими каждому тексту, т.е. автор любого текста может сознательно ссылаться на другие конкретные тексты. Это может происходить также и бессознательно.

Однако не всегда автор может быть уверен в том, что реципиент информации в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать эти “сигналы” интертекстуальности, в чем и заключается особая прагматическая специфика данной категории.

Неправомерно также отождествлять понятия текстуальности и интертекстуальности: текстуальность значительно шире интертекстуальности, это – процесс порождения различных текстов

в самом широком смысле слова. Интертекстуальность понимается как процесс активного взаимодействия порожденных текстов между собой в определенном контексте.

Согласно Е.А. Селивановой, контекст имеет три дефиниции. Первое толкование сужает его значение до уровня текстового фрагмента, предложения, словосочетания, которые определяют семантику языковой единицы [6, с. 252].

Второе толкование определяет контекст как коммуникативную ситуацию, что влияет на семантику исследуемых единиц и подразумевает индикацию не только текстового массива, а и глобальных условий оптимального обеспечения коммуникации, в частности, ее цели, ролевой природы коммуникантов, их тезаурусов, социальной и культурной среды коммуникации [там же].

Третье определение контекста отождествляет его с целым текстом, который обеспечивает толкование содержания его единицы: выделяются типы контекстов, которые учитывают культурные, социальные, исторические условия, в которых совершается коммуникация [там же], что является релевантным для данного исследования.

Таким образом, в данной работе контекст, рассматриваемый как внутри-текстовый феномен, в котором реализуются только текстовые связи, ограничивается от ситуативного контекста, выходящего за рамки текста, т.е. ситуативный контекст больше, чем текст (дискурсивный подход, который не рассматривается в данном исследовании).

Вследствие этого под контекстуальностью будем понимать процесс взаимодействия текстов с учетом вертикального контекста. Взаимодействие текстуальности, интертекстуальности и контекстуальности внутри пространственных координат в общекультурном контексте можно представить на рис. 1, иллюстрирующем данные взаимосвязи:

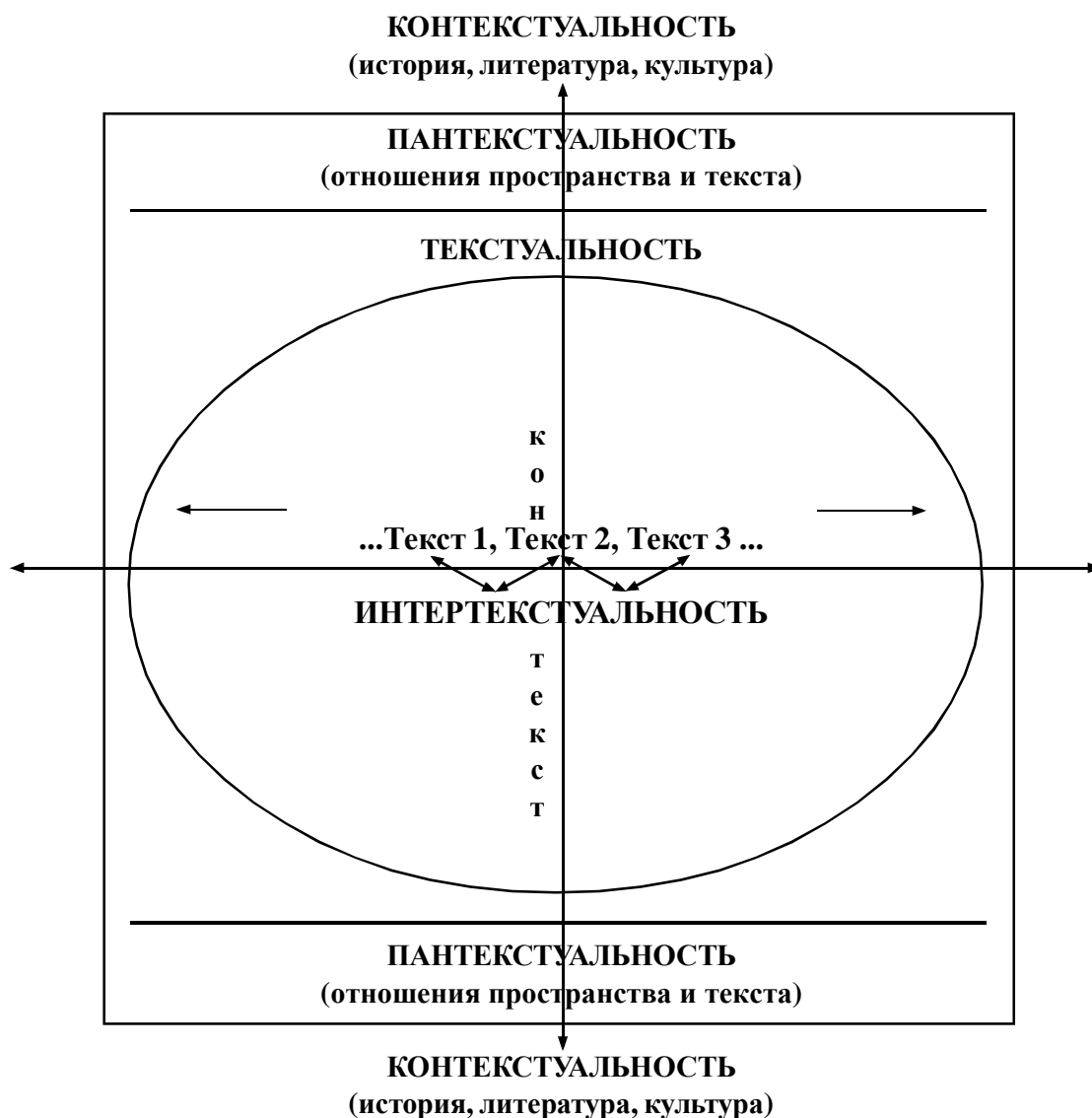

Рис. 1. Взаимодействие текстуальности и интертекстуальности внутри пространственных координат в определенном общекультурном контексте

По мнению Л.Н. Мурзина, текст подвергается интерпретации: “Множественная интерпретация текста – вот путь его вхождения в культуру, ... которая в сознании носителей беспрерывно видоизменяется: она живет постольку, поскольку ее компоненты – тексты – интерпретируются, она умирает без интерпретации” [4, с. 167].

Ни один текст не может возникнуть на пустом месте, он обязательно связан с уже имеющимися текстами. Изучение текстовых категорий является перспективным направлением в современной

лингвистике. Все, что было уже сказано, написано, служит базой, основанием, необходимой предпосылкой и условием существования для вновь создаваемых вербальных текстов, а, значит, является системообразующим фактором при создании речетворческого произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова С.А. Онтологическая триада “пространство – человек – текст” как специфическая коммуникативная система : автореф. дисс. на соиск. уч.

степени д-ра филол. наук. : спец. 10.02.19 “Теория языка” / С.А. Борисова. – Ульяновск, 2004. – 50 с. 2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика : [учебное пособие] / Арон Абрамович Брудный. – М. : Лабиринт, 1998. – 336 с. 3. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Виктор Максимович Жирмунский. – Л. : Наука, 1977. – 407 с. 4. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура / Л.Н. Мурзин // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 160–169. 5. Налимов В.В. Вселенная смыслов (интервью) / В. В. Налимов // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 122–132. 6. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Елена Александровна Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с. 7. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура : [сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Цивьян]. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284. 8. Тураева З.Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика / Зоя Яковлевна Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с. 9. Barthes

R. Roland Barthes par Roland Barthes / Roland Barthes. – Paris : Seuil, 1975. – 192 p. 10. Beaugrande R.-A. de. Einführung in die Textlinguistik / R.-A. de Beaugrande, W.U. Dressler. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – XIII. – 290 S. 11. Dallenbach L. Le recit speculaire: Essai sur la mise en abyme / Lucien Dallenbach. – Paris : Seuil, 1977. – 247 p. 12. Kristeva J. Semiotique: Recherches pour une semanalyse / Julia Kristeva. – Paris: Seuil, 1969. – 379 p. 13. Riffaterre M. La production du text / Michael Riffaterre. – Paris : Seuil, 1979. – 496 p. 14. Van Den Heuvel P. Parole, mot, silence: Pour une poetique de l'enonciation / Peter Van Den Heuvel. – Paris : Routledge, 1986. – 319 p.

ИСТОЧНИКИ

ЛЕКСИКО-ГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

15. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. 16. Толковый словарь иностранных слов в русском языке / [сост. Т.В. Новик, В.А. Суханова]. – Смоленск : Русич, 2000. – 592 с.